

ЧИНГИСХАН

ПОТРЯСАТЕЛЬ ВСЕЛЕННОЙ

ЧИНГИСХАН ПОТРЯСАТЕЛЬ ВСЕЛЕННОЙ

Составитель И. Есенберлин

Алматы, 2004

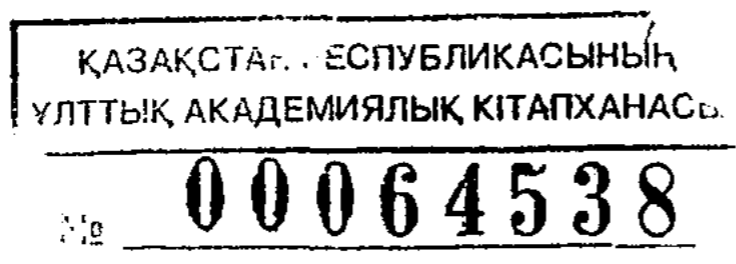
ББК 63. 3(0)
Ч 63

Ч 63 Чингисхан потрясатель Вселенной. Составитель И. Есенберлин.—
Алматы: Фонд им. И. Есенберлина, 2004.—312 с.

ISBN 9965-01-799-9

Ч 0503000000
00(05)-01

ББК 63. 3 (0)

ISBN 9965-01-799-9

© Фонд им. И. Есенберлина, 2001
© Фонд им. И. Есенберлина, 2004

ВСТУПЛЕНИЕ

На протяжении многих столетий великая и кровавая фигура Чингисхана, его жизнь и эпоха привлекает внимание многих людей во всем мире.

В этой книге описаны основные этапы правления Великого “потрясателя Вселенной”, а также книга посвящена истории самой жизни Темучжина – Чингисхана на основании сохранившихся до наших дней первоисточников: монгольских, китайских, мусульманских авторов и сведений первых европейских путешественников в глубины Азии. В увлекательной форме в этой книге описана жизнь Чингисхана, характеристика его личности и той среды, в которой он жил.

Предводителю монгольского племени кият-бортжигинов Темучжину, Сыну Есугай-багатура, способному и смелому полководцу, удалось установить отношения с главой сильного союза Кереитских племен и постепенно, то дипломатией, то военной силой, подчинить своему владычеству все племена, включая кереитов. В 1206 году на съезде монгольских феодалов Темучжин был провозглашен великим ханом – Чингисханом. Новое монгольское государство носило ярко выраженный феодальный характер. Оно было основано на централизованной военно-административной системе, самой мелкой из которой была группа семей кочевников, обязанная выставлять для походов или облавных охот десять воинов. Самой крупной — владение, дававшее хану возможность мобилизовать 10 тыс. воинов – тьму.

Как известно, Чингисхану посвящена обширная литература на многих языках мира. Одни видели в Чингисхане великого завоевателя и сильную личность и давали восторженное описание завоеваний этого полководца. Другие восхваляли личные качества, военные и организаторские способности Чингисхана. С другой стороны, некоторые авторы огульно охаивали деятельность Чингисхана и изображали его как жестокого дикаря. Однако, как считают многие авторы, деятельность Чингисхана следует рассматривать и оценивать с учетом исторического фона, на котором она разворачивалась. Стратегическое и тактическое искусство Чингисхана в сочетании с гибкой политикой было одним из важных факторов успехов как в объединении единокровных племен, так и в покорении других стран. Железная дисциплина в чингисовых войсках поддерживалась под страхом смертной казни за малейшие нарушения. Жажда военной добычи со стороны полководцев всегда учитывалась Чингисханом. Накануне решающего сражения с татарами он говорил своим полководцам: “Если мы потесним неприятеля, не задерживаться у добычи. Ведь после окончательного разгрома добыча эта от нас не уйдет...”

У вас в руках книга, содержащая интереснейшие сведения из отдаленного прошлого, без прикрас показывающая реальные события тех лет, ужасы и разрушения захватнических войн Чингисхана, описывающая величие и трагизм его судьбы.

ЖИЗНЬ ЧИНГИСХАНА — ПОКОРИТЕЛЯ ВСЕЛЕННОЙ.

*"А как пришло время родиться ему, то родился Чингисхан, сжимая в правой руке своей запекшийся сгусток крови".
Сокровенное сказание.*

РОЖДЕНИЕ ЧИНГИСХАНА.

Будущий Чингисхан родился по одним сведениям в 1162, а по другим — в 1155 г. Имя Тамучжин было дано ему потому, что его отец Есугай-багатур накануне захватил в плен татарского предводителя Тэмучжин-угэ.

Есугэй был сыном Бартан-багатура и внуком Хабул-хана. Он не был ханом, а носил титул багатура (герой). Есугай активно участвовал в войне Хутул-хана с цзиньцами.

Он одним из первых монгольских предводителей оправился от разгрома 1161 г. Будучи удачливым в походах и набегах на другие племена, Есугэй-багатур имел множество подданных и большие стада скота. Кроме кият-борджигинов, по-видимому, у него под контролем были и другие союзы монголов. Не случайно Рашид ад-дин называет его "государем большинства монгольских племен". Есугай однажды повез девятилетнего старшего сына Тэмуджина к Дэй-сэчэну из племени хунгират, чтобы просватать дочь его Бортэ и, по старому монгольскому обычаю, оставить у свата своего сына на некоторое время. На обратном пути он был опознан и отравлен татарами, с которыми враждовал.

Отец Темучжина, будущего Чингисхана, Есугай-багатур из рода Борджигин, кости Кият, имел много жен из разных племен. А старшую из них у меркитского Эке-Чиледу. Вот как это было.

"В ту пору, охотясь однажды по реке Онону за птицей, Есугай-багатур повстречал меркитского Эке-Чиледу, который ехал со свадьбы, взяв себе девушку из олхонутского племени. Заглянув в возок и поразившись редкой красотой девушки, он поспешно вернулся домой и привел с собой старшего своего брата Некунтайчжи и младшего Доритай-Отчигина. Видя их приближение, испугался Чиледу, но под ним был скакун Хурдун-хуба. Хлещет он своего хуба по ляжкам, старается скрыться от них за холмами, но те в троем неотступно следуют за ним по пятам. Когда Чиледу, объехав мыс, вернулся к своему возку, Оэлун говорит ему:

— Разве ты не разгадал умысла этих людей? По лицам их видно, что дело идет о твоей жизни. Но ведь был бы ты жив-здоров, а девушки в каждом возке найдутся. Был бы ты жив-здоров, а жены в каждой кибитке найдутся. Придется, видно, тебе тем же именем Оэлун назвать девушку с другим именем. Спасайся, поцелуй меня и езжай!

С этими словами она сняла свою рубаху, и когда он, не слезая с коня, потянулся и принял ее, то из-за мыса уже подлетели те трое. Пришпорив своего Хурдун-хуба, Чиледу помчался, убегая от преследования вверх по реке Онону.

Трое бросились за ним, но, прогнав его за семь увалов, вернулись. Есугай-багатур повел за поводья лошадь Оэлун, старший его брат, Некун-тайчжи, ехал впереди, а младший, Даритай-Отчигин, ехал вплотную рядом с ней. Едут они так, а Оэлун приговаривает:

— Батюшка мой, Чиледу! Кудрей твоих встречный ветер никогда не развевал. В пустынной земле никогда ты не голодал. Каково-то теперь?

И, роняя обе косы свои то на спину, то на грудь, то вперед, то назад, она причитала "Каково-то теперь уезжаешь?" так громко, что

Онон-река волновалась
В перелесье эхо отдавалось.

Уже близко к дому стал унимать ее плачь Даритай-Отчигин:

Лобызаемый твой много перевалов перевалил,
Оплакиваемый твой много вод перебродил.
Сколько ни голоси — а он не бросится взглянуть на тебя,
Сколько ни ищи — его и след простыл. Замолчи уже!

Так унимал он ее. Тут же Есугай и взял Оэлун в дом свой. Вот так произошло умыкание Есугаем Оэлунучжины.

В те далекие годы монгольские девушки не выбирали себе мужей. Отцы или слепой случай решали их судьбы. Монгольский род был экзогамным, т.е. монгол не мог взять в жены девушку из своего рода. Роды жили на общей пастбищной территории, часто поблизости не было других родов, и за женой приходилось ехать в дальние края. Поэтому нередко девушек умыкали или отбивали силой при каждом удобном случае. Мы не знаем, как Оэлун досталась Чиледу — по сговору ли с ее родителями, или он тоже умыкнул ее. Но ясно одно — Чиледу нравился Оэлун. Иначе не подарила бы она в прощальный час возлюбленному свою рубашку, не оплакивала бы его и свою судьбу так, что

Онон-река волновалась
В перелесье эхо отдавалось.

И когда ее, плачущую, везли в стойбище Есугай-багатура, еще не знала она, что в тот момент, когда, Есугай случайно заглянул в ее возок, а позже, отбив ее от любезного ее сердцу Чиледу, твердой хозяйской рукой взял за повод ее коня, ей уже было суждено стать матерью сына, одно имя которого повергало в ужас целые народы на гигантской территории от Тихого до Атлантического океана.

Темучжин был первенцем Оэлун и Есугай-багатура. Как раз накануне его появления на свет Есугай участвовал в походе монголов против другого

татаро-монгольского племени — татар. Вражда этих племен обострилась потому, что незадолго до этого татары предательски выдали императору правившей в Северном Китае чжурчжэньской династии Цзинь (Золотая), Алтанхагану китайскому, как называли его древние татаро-монголы, одного из монгольских ханов — Амбагай-хагана. Чжурчжэни были довольны подарком татар. Они давно искали случая отомстить беспокоящим их границы монголам за то, что те перебили их послов. Татары, признававшие старшинство чжурчжэней, желая выслужиться перед чжурчжэньским императором, предательски схватили Амбагай-хагана, который приехал выдавать свою дочь замуж в одно из татарских племен, и привезли его императору Цзинь. Последний жестоко казнил Амбагай-хагана, прибавив его заживо гвоздями к деревянной скамье.

Умирая, Амбагай, по преданию, завещал монголам: "Мстите и неустанно воздавайте за меня не только до той поры, что с пяти пальцев ногти потеряете, но пока и всех десяти пальцев не станет". Весть о страшной смерти Амбагай-хагана привез монголам его нукер Балагачи, намеренно отпущенный чжурчжэнями, чтобы оповестить всю татаро-монгольскую степь о горькой судьбе Амбагай и запугать всякого, кто попытается тревожить границы Цзинь.

Первой мстью монголов за Амбагай-Хагана и был поход против предателей татар. Татары потерпели поражение, а в числе пленных оказался и один из татарских предводителей — Темучжин. Как раз тогда, Есугай и другие монгольские ханы, захватив пленных и большую добычу, возвращались с победой домой, в урочище Делиун — булдах (совр. Делюн-булдах, на правом берегу Онона, примерно в 250 км. от Нерчинска) у Оэлун родился сын. "А как пришло время родиться ему, то родился Чингисхан, сжимая в правой руке своей запекшийся сгусток крови величиной в альчик". Есугай-багатур, считая рождение сына в час победы над врагом счастливым предзнаменованием, назвал его именем своего знатного пленника — Темучжином. Некоторые ученые предполагают, что имя Темучжин в переводе с древнемонгольского означало "кузнец".

Случилось это в 1155 г.

Генеалогию Темучжина, обозримую в пределах монгольского предания, можно было бы нарисовать следующим образом. Его предок Хайду был правнуком Бодончара, родоначальника поколения Борджигин сына легендарной прародительницы монголов Алан-гуа, отмеченного, как и его два брата, "печатью небесного происхождения". По преданию она зачала своих сыновей от светло-русого человека, который каждую ночь таинственно появлялся у ее постели через дымник юрты. Сын Хайду, Байшингор — докшин, был отцом прапрадеда Темучжина — Тумбиной-сечена. Прадед Темучжина Хабул в начале XII столетия звался ханом, правил "всеми монголами" и не раз тревожил границы Цзинь.

После 1135 г. Хабул-хан ездил на церемонию восшествия на престол цзиньского императора Холома (1135-1149гг.). В начале чжурчжэни хорошо приняли монголов и устроили в их честь пир. Однако на обратном пути хана догнал гонец, который предложил ему возвратиться ко двору. Хабул-хан отказался, опасаясь западни, а когда чжурчжэни пытались увести его силой, бежал. В 1137 г. к Хабулу прибыла чжурчжэньское посольство. Хан послов перебил. Тогда чжурчжэни начали поход против монголов. Из Маньчжурии по реке Нонни они проникли в глубь монгольских степей. Но их армия не выдержала трудностей степного похода и была вынуждена повернуть назад. Где-то у реки Хайлар-гол ее атаковали монголы и сильно потрепали.

После смерти Хабул-хана, по его завещанию, власть над монголами перешла не к одному из его сыновей, а к Амбагай-хагану, внуку Хайду и двоюродному брату прапрадеда Темучжина — Тумбиной-сечена. После гибели Амбагай монголы выбрали хана Хутулу, сына Хабула, дядю отца Темучжина — Есугай-багатура. Известно, что незадолго до 1143 г. Хутула совершил нападение на чжурчжэней и ограбил пограничные области Цзинь. Если это была месть за Амбагай, то, стало быть, Амбагай погиб около 1140г., за пятнадцать лет до рождения Чингиса.

В ответ на поход Хутулы цзиньский полководец Учжу выступил вновь против монголов. Поход окончился неудачей, и в 1147 г. "чжурчжэни заключили мирный договор с монголами, по условиям которого цзиньцы отказывались от своих крепостей на территории Монголии и обязывались ежегодно присылать монголам определенное количество скота — овец, коров и продовольствия" (Ш.Сандаг). Дед Темучжина, Бартан-багатур, был сыном Хабула и братом Хутулы. После смерти Хутулы объединение монголов в середине XII в. было нарушено и его потомки жили своими улусами.

В 1161 г. (Темучжину было тогда шесть лет) чжурчжэни в союзе с татарами нанесли монголам поражение в районе озера Буир-Нур, что еще больше углубило вражду монголов и татар.

Есугай-багатур был главой улуса, который объединял несколько монгольских племен. Жизнь его проходила в боях и походах, и "из страха перед его отвагой и натиском большинство друзей и врагов покорились ему ради спасения своей жизни, поэтому положение и дела его были в полном порядке и блестящем состоянии" (Рашид-ад-дин).

Когда Темучжину исполнилось девять лет, Есугай решил сосватать ему невесту из того же олхонутского рода, из которого была и мать Темучжина Оэлун. Взяв с собой мальчика, он отправился в путь. В дороге повстречался им Дай-сечен из племени унгират:

— Куда держишь путь, сват Есугай?

— Я еду,— говорит Есугай-багатур,— сватать невесту вот этому своему сыну. Дай-сечен посмотрел на Темучжина:

— У твоего сына взгляд, что огонь, а лицо, что заря. Снился мне, сват Есугай, этой ночью сон, будто слетел ко мне на руку белый сокол, зажавши в когтях солнце и луну. Что-то он предвещает? — подумал я, как вижу, подъезжаешь ты, сват Есугай, со своим сыном. Унгиратское племя с давних пор славится, нет в том соперников нам, красотой наших внучек и пригожестью дочерей. Зайди ко мне, сват Есугай. Девочка моя малютка, да свату надо посмотреть!

Взглянул Есугай на Борте, десятилетнюю дочь Дай-сечена, а лицо у
н
заря, очи — огонь. Переночевали гости ночь, а на утро началось сватовство. Столько, сколько требовало того приличие, торговался Дай-сечен, заманивший знатного жениха, желавший породниться с Есугаем. Поторговался и сказал:

— То не женская доля — состариться у родительского порога. Дочку свою согласен отдать. Оставляй своего сынка в зятях — женихах.

На том и поладили. Подарил Есугай Дай-сечену своего заводного коня, попросил его присмотреть за сыном:

— Страсть боится собак мой мальчик. Ты уж, сват, побереги мальчика от собак!

С тем и уехал Есугай, оставив девятилетнего Темучжина у его десятилетней невесты по старинному монгольскому обычаю в зятях у Дай-сечена из племени унгират.

На обратном пути повстречались Есугаю пирующие татары. Томимый жаждой, думая, что никто из этих татар не знает его в лицо, решился Есугай задержаться на их празднике, немного передохнуть. Но кто-то из татар опознал Есугая. Не рискнув в открытую убить его, татары подмешали Есугаю в питье отраву. Уже в пути почувствовал Есугай неладное, а добравшись через трое суток домой, заболел и слег. Перед смертью он подозвал своего приближенного Мунлика:

— Дитя мое, Мунлик! Ведь у меня малые ребята. Извели меня тайно татары. Дурно мне. Прими же на свое попечение всех моих: и малюток, и осиротевших младших братьев, и вдову, и невестку. Дитя мое, Мунлик! Привези поскорее моего Темучжина!

И с этими словами он скончался в 1165г.

Мунлик был верным соратником Есугая и выполнил его наказ. Боясь за Темучжина, он не сразу объявил о смерти Есугая. А Дай-сечену сказал:

— Старший брат Есугай-багатура очень болеет душой и тоскует по Темучжину. Я приехал за ним.

— Раз сват так горюет о своем мальчике, пусть Темучжин съездит, повидается, да и скорехонько назад.

Так и привез Мунлик Темучжина обратно, в опустевшую отцовскую юрту, в тот трудный час, когда бывшие под рукой Есугая-багатура монголы покидали его семью. Уходя каждый своим путем.

"НАРОД БЕЗВЕСТНЫЙ И ЧУЖОЙ"

*Итак, когда мы вступили в среду
этих варваров, мне, как я выше сказал,
показалось, что я вступаю в другой мир.*

Г. Рубрук.

Монголия поразила воображение приехавших в страну чужеземцев. "Куда бы взор не достигал,— писал Чан Чунь,— невидно конца горам, рекам; ветер и туман непрерывны, и реки вечно текут. Для чего Творец, образуя вселенную, в этих странах повелел людям пасти коней и коров?" К сожалению, и мы знаем о древних татаро-монголах немногим больше тех, кто первым пересек ее границы в начале XIII в. Сведений о монголах второй половины XII в. почти не сохранилось. Правда первое упоминание о них встречается еще в "Истории китайской династии Тан" (618—907 гг.). В то же время впервые в древнетюрских надписях (732 г.) говорится о татарах, которые были "пастухами коров" у господствовавших в то время на территории Монголии уйгуров. Позднее, когда на части Монголии и в северных областях Китая находилось государство Ляо (916—1124 гг.), созданное родственными монголам киданями, монголы жили на его северных границах. По сведениям "Описания государства киданей" (1180 г.), "монголы не имеют постоянного местожительства и кочуют все четыре времени года. Питаются только мясом и кумысом. С киданями не воюют, а поставляют для них коров, баранов, верблюдов, лошадей, кожу и шерсть".

Но если нам не удастся заглянуть по-настоящему в XII в. глазами их современников: даосского монаха Чан Чуня, у которого Чингисхан пытался заручиться рецептом бессмертия, сунских дипломатов Чжао Хуна, Пэн Дая, Сюй Тина и Чжан Дэ-хой, посланца папы Иннокентия IV, францисканского монаха, итальянца Плано Карпини, другого монаха, минорита, фламандца Гильома Рубрука, посланного к монголам французским королем Людовиком IX, перса Ата-Малика Джувейни, приехавшего в столицу монголов со своим отцом на выборы нового хана, и, наконец, знаменитого венецианца Марко Поло. Все эти люди, посетившие Монголию, Чан Чунь в 1220—1224 гг., Чжао Хун в 1221 г., Пэн Дая в 1233 г., Сюй Тин в 1235-1236 гг., Плано Карпини в 1246-1247 гг., Чжан Дэ-хой в 1248 г., Гильом Рубрук в 1253-1255 гг., Ата-Малик Джувейни с 1251 г. и Марко Поло с 1274 г. — описали Монголию в период ее могущества и расцвета, и тем не менее только они увидели ее и ее обитателей во многом такой, какой она была в юные годы Темучжина. Для всех них, китайского даоса и китайских дипломатов, европейских монахов и венецианского купца, сына персидского царедворца из Хорасана, это был новый мир, "народ безвестный и чужой". О нем они стремились поведать всему миру, каждый по-своему, но одинаково убеждая "всему тому, что мы пишем вам для вашей пользы и предосторожности, вы должны верить тем безопаснее, что мы или сами видели все

своими глазами, странствуя одинаково у них и вместе с ними... или пробыв в их среде" (Плано Карпини).

Путешественников, особенно европейцев, поражал внешний облик монголов. "Внешний вид лиц,— писал Плано Карпини,— отличается от всех других людей. Именно между глазами и между щеками они шире, чем у других людей, щеки же очень выдаются от скул, нос у них плоский и небольшой, глаза маленькие, и ресницы приподняты до бровей. В поясе они, в общем, тонки, за исключением некоторых, и притом немногих, росту почти все невысокого. Борода у всех почти вырастает очень маленькая, все же у некоторых на верхней губе и на бороде есть небольшие волосы, которые они отнюдь не стригут... Из волос они составляют две косы и завязывают их каждую за ухом. Ноги у них тоже небольшие".

"В большинстве случаев,— сообщал Чжао Хун,— татары не очень высоки из них не выше пяти чи, двух-трех цунь", т.е. приблизительно 162—165 см.

Во второй половине XII в. монголо-татарские племена занимали огромные пространства глубинных районов Азии. "Домом татар и местом их происхождения и рождения,— писал Джувейни,— является гигантская долина, размеры которой составляют семь или восемь месяцев пути как в длину, так и в ширину. На востоке она граничит с землей Китая, на западе — со страной уйгуров, на севере — с киргизами и рекой Селенгой и на юге — с тангутами и тибетцами".

В юные годы Темучжина эти племена не имели какого-либо общего названия, хотя у некоторых соседних народов, например китайцев, тангутов, они и были известны под общим именем татар. В XII в. племя татар было одним из самых сильных и цивилизованных, и другие татаро-монгольские племена при сношениях с китайцами, тангутами, уйгурами и иными народами часто называли себя татарами, не упоминая собственных родов или племен из-за их малой известности. Татаро-монголы жили отдельными племенами или племенными объединениями. Самыми значительными из них во второй половине XII в. были собственно монгольская группа племен, обитавшая в бассейне рек Орхона и Керулена, ставшая ядром сплочения монголо-татарских племен, от которой они и получали в начале XIII в. свое общее наименование; джалаиры жили в долине реки Онон, тайчиуты — в долинах рек Онона и Селенги, керейты — в долинах рек Орхона и Толы, в бассейне реки Онгин, между горными хребтами Хангай и Хэнтэй, найманы — между Хангайским и Алтайским хребтами, татары — у озер Буир-Нур и Кулун-Нур и вдоль Великой китайской стены, на границах с чжурчжэньским государством Цзинь, меркиты — в бассейне реки Селенги.

"Собственно монголы... состояли из монголов-нирунов, называвшихся еще киятами, и монголов-дарлекинов. Нируны — монгольские племена и роды, которые вели свое происхождение от легендарной Алан-Гуа, причем племена, происходившие из рода Алан-Гуа, до шестого поколения относились к нирунам, которые вели свой род от шестого поколения Алан-Гуа, от

рода Хабул-хана, назывались киятами, а те, которые являлись прямыми потомками Хабул-хана, считались кият-борджигинами. Предводителем кият-борджигинов был Есугай-багатур... К нирунам, кроме кият-борджигинов, принадлежали тайчиуты, салджиуты, катакины, дурбэн, баарины, урут, барулас, йисут, и многие другие". (Ш.Сандаг).

Северные районы распространения монгольских племен — Восточные Саяны, хребет Танну-ола и Южный Алтай — заселяли так называемые лесные племена. Занимались они охотой и рыболовством, жили в легких шалашах из коры березы и других деревьев, приручали диких животных, в особенности морала-изюбря и косулю, мясом и молоком которых они питались. На изюбрей-моралов вьючили они и свой нехитрый скарб, когда, блуждая по лесам, перебирались с места на место. Использовали они также и лошадей. Зимой охотились и передвигались по лесу на лыжах. Одежды шили из шкур животных. Особенно много били они соболей и белок, мехом которых славились их края. "Лесными" по образу жизни и способу ведения хозяйства были когда-то и многие монголы северных районов Монголии, которые в XII в. уже вели кочевое скотоводческое хозяйство. Верховья Онона, Керулена и Толы, основные места кочевий Темучжина в его юные годы. Представляли собой лесистую горную местность. По преданию, роду Кият, к которому принадлежал Темучжин положили начало "пегий волк" и "прекрасная маралиха". В юные годы Темучжина "лесные племена" жили на далеких северных окраинах и не играли сколько-нибудь существенной роли в бурных событиях второй половины XII в. Эти события назревали и развивались в обширных степях, где жили "степные племена", основная масса татаро-монгольских племен, занимавшихся кочевым скотоводческим хозяйством. Китайцы делили татаро-монголов на черных, белых и "диких". Белые татары кочевали вдоль великой китайской стены, черные — в глубинных районах Монголии, а "дикие" — в северных таежных районах. По этой классификации Темучжин происходил из черных татар.

Чан Чунь, первым посетивший эти края, изложил свои впечатления от знакомства с ними в путевом дневнике: "Обитателей весьма много; все они ... живут в черных телегах и белых юртах. Обычное занятие их — скотоводство и звероловство. Одеваются в кожаное и меховое платье, питаются мясом и молоком. Жители переходят с места на место, смотря по тому, где есть вода и трава для пастбища". "Вообще монголы, — писал несколько позднее Чжан Дэ-хой, — с наступлением лета кочуют по высоким и прохладным местам, а к зиме перекочевывают в места более теплые, открытые в полдень, где легко можно доставать топливо и воду. По прошествии этих периодов, они переходят с одного места на другое; сегодня идут, завтра стоят, останавливаясь там, где есть трава и вода. Таковы потребности и обычаи страны". Дальность перекочевков определялась условиями местности и величиной стад. Сена на зиму монголы не запасали, а старались

жить в местах не очень заснеженных. Где скот мог добывать себе корм — сухую траву на корню.

Жилищем монголам служили юрты разборные или установленные на телегах. Плано Карпини так описывает монгольскую юрту: "Ставки у них круглые, изготовленные наподобие палатки и сделанные из прутьев и тонких палок. Наверху же, в середине ставки, имеется круглое окно, оттуда попадает свет, а также для выхода дыма, потому что в середине у них всегда разведен огонь. Стены же и крыши покрыты войлоком, двери сделаны тоже из войлока". По сведениям Чан Чуня, деревянный каркас юрты изготовлялся обычно из ивы. "Дома на колесах" — юрты монголов, поставленные на телеги, хорошо описаны Г. Рубруком: "Дом, в котором они спят, они ставят на колесах из плетенных прутьев, сходящиеся кверху в виде маленького колеса, из которого поднимается ввысь шейка, наподобие печной трубы; ее они покрывают белым войлоком, чаще же пропитывают войлок также известкой, белой землей и порошком из костей, чтобы он сверкал ярче; а иногда также они берут черный войлок. Этот войлок около верхней шейки они украшали красивой и разнообразной живописью. Перед входом они также вешают войлок разнообразный от пестроты тканей. Именно сшивают цветной войлок или другой, составляя виноградные лозы и деревья, птиц и зверей. И они делают подобные жилища настолько большими, что те имеют иногда тридцать футов в ширину... Я насчитал у одной повозки 22 быка, тянущих дом, 11 в один ряд вдоль ширины повозки и еще 11 перед ними. Ось повозки была величиной с мачту корабля, и человек стоял на повозке при входе в дом, погоняя быков. Марко Поло сообщает, что такие юрты на телегах хорошо укрывали монголов от непогоды: "Телеги у них покрыты черным войлоком, да так хорошо, что хоть бы целый день шел дождь, вода ничего не подмочит в телеге; впрягают в них волов и верблюдов и перевозят жен и детей". Разбирать и снова ставить юрты, не укрепленные постоянно на телегах было обязанностью женщин. Каждый раз на новом месте юрты устанавливали так, что вход их всегда был обращен на юг. При перекочевках повозки передвигались по пять в одном ряду.

Древние монгольские юрты несколько отличались от современных, а колесные телеги с юртами в наши дни монголы не используют совершенно. На стоянках монголы располагались куренями (кольцом). В центре кольца непременно находилась юрта вождя. Курень обеспечивал надежную защиту от внезапных набегов врага. Однако владельцам больших стад часто было выгодно пастись своей стада отдельно, на лучших пастбищах. Поэтому они предпочитали жить и кочевать вместе со всем куренем, но свои стада пастись аилами, своими семьями, а не вместе со своим родом. По мнению акад. Б. Я. Владимирцова, "соединение коренного хозяйства с аильным представлялось, по-видимому, монголам XI—XIII вв. самым идеальным". Выделение аилов представляло собой разложение куреня. Позднее с образованием единого монгольского государства куренной способ кочевания исчезает.

При перекочевках летние и зимние пастбища были четко определены. Если скот был собственностью аила, отдельной семьи, то пастбища принадлежали всему роду или племени. Право собственности рода на землю выражалось в существовании известных не только членам рода, но и представителям других родов границ родовых пастбищ и в праве регулирования родовыми и племенными старейшинами порядка перекочевки семей, принадлежащих к данному роду.

Монголы разводили коней, коров, овец, коз, в меньшем числе верблюдов. Кажущееся, а иногда после завоевательных походов Чингисхана и действительное обилие скота у кочевников поражало современников. "Они очень богаты скотом: верблюдами, быками, овцами, козами и лошадьми,— писал Плано Карпини.— Вьючного скота у них такое огромное количество, какого, по нашему мнению нет в целом мире". "Тот, кто имеет одну лошадь,—сообщал Чжао Хун,— обязательно имеет шесть-семь баранов, так что тот, у кого сто лошадей, обязательно имеет отару в шестьсот-семьсот овец". "Овец и коз они караулят сообща, и доят иногда мужчины, иногда женщины". (Г. Рубрук). "Всякий старшина,— как бы дополняет сведения Марко Поло,— или у кого много скота метит своим знаком жеребцов и кобыл, верблюдов, быков и коров и всякий крупный скот; с меткой пускает их пастись без всякой стражи в равнины и в горы; если скотина смешивается, отдают ее тому, чья метка; овец, баранов, козлов, пасут люди. Скот у них крупный, жирный, славный".

Современников особенно восхищали своей выносливостью и послушанием монгольские лошади. Чжао Хун достаточно подробно описывает весь процесс выращивания верховой лошади: "Своих лошадей, когда им год-два отроду, монголы настойчиво объезжают в степи и обучают их, потом возвращают обратно на пастбища, кормят три года и только после этого снова начинают ездить на них верхом. Их для того обучают, чтобы они потом не лягались и не кусались. Тысяча коней составляют табун, кони эти спокойные, не ржут. Отпуская коня не привязывают его, а он и не убегает. Нраву кони очень доброго. Днем (монголы) никогда не кормят лошадей, а только с наступлением ночи отпускают их пастись". Для верховой езды монголы чаще всего использовали мерингов.

Вторым по важности после скотоводства занятием у монголов была охота. Монгол древней эпохи был, по меткому определению Б. Я. Владимирова, "кочевником-охотником". Охота была и одним из средств существования и хорошей школой воинского мастерства. "Татары рождаются и вырастают среди оседланных коней,— писал Чжао Хун.— С малых лет и до самой смерти они день за днем занимаются охотой, которая и является их основным промыслом, поэтому у них нет пехоты, а все конницы". Помимо обычной индивидуальной охоты часто устраивались охоты облавные, в которых принимал участие весь род и даже связанные с ним другие роды.

"Их обычай — стрельба из лука и охота. Когда их правитель устраивает облавную охоту, всегда непременно собираются большие массы людей. Они выкапывают ямы и втыкают в них колья. Последние соединяются между собой волосяными веревками, а к веревкам привязывают лоскуты войлока и птичьи перья... Веревки тянутся кругом на 100—200 ли (50—100 км). Так как на ветру колышутся перья и лоскутки войлока. То перепуганные звери не осмеливаются перебежать. После люди окружают огромный участок, постепенно прижимая зверей к середине круга, ловят и бьют их" (Пэн Да-я, Сюй Тин).

В монгольской семье мужчины и женщины занимались своим делом. "Мужчины делают луки и стрелы, готовят стремяна и уздечки и делают седла, строят дома и повозки, караулят лошадей и доят кобылиц, трясут самый кумыс, т.е. кобылье молоко, делают мешки, в которых его сохраняют, охраняют также верблюдов и вьючат их". "Обязанности женщин состоят в том, чтобы править повозками, ставить на них жилища и снимать их, доить коров, делать масло и грут (сухое молоко), готовить шкуры и сшивать их, а сшивают их они ниткой из жил" (Г. Рубрук).

Скот и охотничья добыча поили, кормили, обували и одевали древнего монгола, "кочевника и охотника". Из шкур животных монголы шили себе одежду: рубашки, кожаные штаны, шубы. По словам Г. Рубрука, "богатые... подшивают себе платье шелковыми хлопками, которые весьма мягки, легки и теплы. Бедные подшивают себе платье полотном, хлопчатой бумагой и более нежной шерстью, которую они могут извлечь из более грубой". Но данные сведения, по-видимому, отражают уже более поздние времена, когда у них после завоевательных походов появилось немало тканей. Ближе всего к древней была, очевидно, зимняя одежда монголов. "Зимою они,— сообщает Г. Рубрук,— всегда делают себе по меньшей мере две шубы: одну, волос которой обращен к телу, а другую, волос которой обращен наружу к ветру и снегам. Эти шубы сшиты по большей части из шкур волчьих и лисьих... Бедные готовят верхние шубы из шкур собачьих или козьих". "Платье,— замечает Чжао Хун,— до тех пор пока не износится, не снимают и не стирают", "так как говорят,— как бы добавляет Г. Рубрук,— что бог тогда гневается и что будет гром, если их повесить сушить". Накидки и "шапки против дождя" (Г. Рубрук) монголы делали из войлока. "Замужние женщины надевают на голову бересту фута в два вышины и весьма часто накрываются сверху черной шерстяной фатой; хвосты этих шапок похожи видом на гуся или утку, а называются гугу; они весьма боятся, чтобы кто-нибудь неосторожно не наткнулся на эти шапки, и входят в юрты или выходят из них нагнувшись вниз и задом" (Чан Чунь).

Питались древние монголы в основном мясом и кумысом. "Мясо они жарят на огне в девяти случаях из десяти, а в двух-трех случаях из десяти варят его в чане о трех ногах" (Пэн Да-я, Сюй Тин). "Кобылье молоко, если

оно у них есть, они пьют в огромном количестве, пьют также овечье, коровье и верблюжье молоко ... Зимой у них нет даже и кобыльего молока, если они не богаты. Они также варят просо с водою, размельчая его настолько, что могут не есть, а пить. И каждый из них пьет по утрам чашку или две, и днем они больше ничего не едят, а вечером каждому дается немного мяса, и они пьют мясную похлебку. Летом же, имея тогда достаточно кобыльего молока ("обычно молоком одной кобылы можно насытить трех человек" — Чжао Хун), они редко едят мясо, если им случайно не подарят его или они не поймают на охоте какого-нибудь зверя или птицу" (Плано Карпини). "И они также довольно выносливы; поэтому, голодая один день или два и вообще ничего не вкушая, они не выражают какого-нибудь нетерпения" (Плано Карпини). "Если в походе кончались взятые с собой бараны, то войско жило охотой" (Чжао Хун), а "случается надобность, так скажут, скажу вам, дней десять без пищи, не разводя огня, и питаются кровью своих коней; проткнет жилу коня, да и пьет кровь" (Марко Поло). Разделить трапезу с путником или гостем считалось у монголов делом естественным. "Встретив обед, они (т.е. проезжие монголы) без церемоний садятся вместе с хозяевами", — пишет Чан Чунь.

В знак приветствия при встрече монголы обнимали друг друга (Пэн Да-я, Сюй Тин). Во время угощения соблюдался определенный порядок. "Прежде чем поставить мясо барана гостям, господин сам берет, что ему нравится, а также если он дает кому-нибудь особую часть, то получающему надлежит съесть ее одному, и нельзя давать никому; если же он не может съесть всего, то ему надлежит унести это с собой или отдать своему служителю" (Г. Рубрук).

Г. Рубрук, наиболее обстоятельный из очевидцев, подробно описал приготовление кумыса, а также свои чувства в тот момент, когда впервые отведал его; "В тот вечер служитель, который провожал нас, дал нам выпить кумысу; при первом глотке я весь облился потом вследствие страха и новизны, потому что никогда не пил его. Однако он показался мне очень вкусным, как это и есть на самом деле".

"Их нравы просты и бесхитростны", — замечает Чжао Хун. Это были закаленные, сильные, честные люди, которые "давши слово, не изменяли ему" (Чан Чунь) и "не подымут на дороге утерянных чужих вещей" (Пэн Да-я, Сюй Тин). Счет времени они вели, сообразуясь с явлениями окружающей природы: "Когда зазеленеет трава, то считалось, что прошел целый год, а когда впервые появляется новый месяц, то считалось, что прошел месяц" (Пэн Да-я, Сюй Тин).

Если монгола спрашивали, сколько ему лет, он отвечал, что столько, сколько в его жизни было весен, сколько раз заново молодой травой зеленеет степь. Древние монголы не знали письменности. По свидетельству Чан Чуня, и в годы его посещения Монголии они "договариваются только на

словах и заключают контракты вырезыванием меток на дереве". "Суд творят вот так: "Кто украдет хоть бы и немного — тому семь палочных ударов, или семнадцать, или двадцать семь, или тридцать семь, или сорок семь и так доходят до трехсот семи, увеличивая по десяти, смотря по тому, как украдено. От этих ударов многие помирают. Кто украдет коня или что-либо другое — тому за это смерть; мечем разрубают его, а кто может дать выкуп, заплатить против украденного в десять раз, того не убивают". (Марко Поло).

"О свадьбах их знайте, что никто не имеет там жены, если не купит ее" (Г. Рубрук). "А женятся они вот как: всякий берет столько жен, сколько пожелает, хотя бы сотню, коли сможет их содержать. Приданое отдается матери жены, а жена мужу ничего не приносит. Первую жену они, знайте, почитают за старшую и самую милую" (Марко Поло). Богатые скотоводы, родовые старейшины устраивали пышные свадьбы. Такую свадьбу видел Чан Чунь: "Старшины окресных кочевьев в окружности на 500 ли (250 км), приехали с кобыльим молоком для вспоможения. Черные телеги и войлочные юрты стояли рядами в числе нескольких тысяч".

"Ни одна вдова не выходит у них замуж на том основании, что они веруют, что все, что служит им в этой жизни, будет служить и в будущей; отсюда о вдове они верят, что она всегда вернется после смерти к первому мужу. От этого среди них встречается обычай, именно, что сын берет иногда всех жен своего отца, за исключением матери. Именно двор отца и матери достается всегда младшему сыну. Отсюда ему надлежит заботиться о всех женах своего отца, которые достаются ему с отцовским двором, и тогда при желании он пользуется ими как женами, так он не признает, что ему причиняется обида, если жена по смерти вернется к отцу" (Г. Рубрук). "С чужой женой ни за что не лягут и считают это за дело нехорошее и подлое" (Марко Поло).

Как мы видели на примере Темучжина, брачные контракты заключались родителями часто тогда, когда будущие супруги были еще малолетними детьми. Безбрачие, по-видимому, считалось недопустимым и позорным. Во всяком случае, один описанный Марко Поло обычай свидетельствует о том, что родители стремились добиться заключения брачных контрактов даже для умерших детей: "Если у двух людей помрут, у одного сын лет четырех или около того, а у другого дочь, они их женят; мертвую девку дают в жены мертвому парню, потом пишут уговор и сжигают его, а когда дым поднимается в воздух, говорят, что уговор понесло на тот свет, к их детям, чтобы те почитали друг друга за мужа и жену. Играют свадьбу, разбрасывают еду там и сям и говорят, что это детям на тот свет... а кончат все это, почитают себя за родных и родство будет также как бы их дети были живыми".

Древние монголы особенно почитали божество Тэнгри или "вечно синее небо". "В первый день первой луны обязательно поклоняются небу", — отмечал Чжао Хун. Почитали они также богиню Земли — Этуген, духа Огня — Ут и многих духов — хранителей. Изображения таких духов описал Марко Поло под общим наименованием Начигай: "А вера у них вот какая: есть у них бог, зовут они его Начигай и говорят, что это бог земной; бережет он их сынов и их скот да хлеб. Почитают его и молятся ему много; у каждого он в доме. Выделывают его из войлока и сукна и держат по своим домам; делают они еще жену того бога и сынов. Жену ставят по его левую сторону, а сынов перед ним; и им тоже молятся. Во время еды возьмут да помажут жирным куском рот богу, жене и сынам, а сок выливают потом за домовую дверь и говорят, проделав это, что бог со своими поел, и начинают сами есть и пить".

По мнению одного из комментаторов "Книги Марко Поло", Г. Юла, название "начигай" имеет аналогию в бурятском языке — "нугайт", "ногот" обозначающее, как "онгот" у тунгусов, низшие божества. Из сонма этих божеств-хранителей древние татаро-монголы особенно выделяли "заягачи", хранителя судьбы и счастья и "эмегелджи", охранителя стад, изображения которого делалось из шкуры барана и ставилась у дверей юрты. С верованиями в духов были связаны многие поверья и гадания монголов: "Когда кто-нибудь занедужит, — сообщал Г. Рубрук, — он ложится в постель и ставит знак над своим домом, что там есть недужный и чтобы никто не входил... Именно они опасаются, чтобы с входящим не явился злой дух или ветер". "Что касается их гадания, то они обжигают баранью лопатку и определяют счастье или несчастье, смотря по тому, проходят ли трещины в ней по направлению туда или обратно. Этим гаданием решается все — откажет ли Небо в желаемом или даст его" (Пен Да-я, Сюй Тин).

Таков в кратце был обзор жизни древних монголов, засвидетельствованный их современниками. Таков был тот народ, сыном которого являлся Темучжин, та среда, в которой ему предстояло из отрока-сироты превратиться в могучего Чингисхана.

"КЛЮЧЕВЫЕ ВОДЫ ПРОПАЛИ, БЕЛ-КАМЕНЬ ТРЕСНУЛ".

*Нет у вас друзей кроме собственной тени;
Нет у вас плечи, кроме конского хвоста.*

Сокровенное сказание.

Многое, видно, держалось только на личном авторитете Есугая в его улусе. Не стало его, и резко изменилось отношение окружающих к его семье, все меньше и меньше считались они с Оэлун. В ту весну жены замученного некогда чжурчжэнями Амбагай-хагана поехали в "землю предков", на кладбище, совершать жертвоприношения. Не по своей вине припозднилась

Оэлун, а уже никто и не ждал ее, жену покойного багатура. Жертвоприношение было окончено, жертвенное мясо съедено, жертвенное вино выпито. Дрогнуло сердце Оэлун. Отказываются от них сородичи, не желают напоминать о ней и о ее детях предкам. И страшная догадка мелькнула, того гляди, бросят одну в степи с детьми, откочуют без нее. С гневом она к Орбай и Сохатай, вдовам Амбагай-хагана:

— Почему вы заставили меня пропустить и жертвоприношение предкам и тризну с мясом и вином? Не потому ли, что Есугай-багатур умер, а дети его и вырасти не могут? Да, видно, вы можете есть на глазах у людей, не поделившись с ними, можете и откочевать не сказавшись?

И их надменный ответ подтвердил ее догадку; решили бросить ее сородичи, чтобы не выросли ее дети чтобы не было новых побегов корня Есугаева:

— Видно, из-за того, что умер Амбагай-хаган, нас может оговаривать даже Оэлун. Ты и заслуживаешь того, чтобы, позвав тебя, тебе ничего не дали, тебе и следует есть то, что попадет. Сказать по правде, лучше покинуть эту мать с детьми в кочевье и не позволять ей идти с нами!

Стало ясно Оэлун, что все кончено. Входившие в есугаев улус тайчиуты и раньше завидовали власти Есугая. Теперь именно они раньше других решили, что настал их час. Прочие родичи из нукеров служившие прежде Есугаю, отказались повиноваться его вдове и приняли сторону тайчиутов, а это сразу превратило тайчиутских вождей в таких же самостоятельных "богатырей" — багатуров, каким был и Есугай. Предводительствуемые Таргутай-Кирилтухом и Тодоем-Гиртай, некогда кочевавшие с Есугаем и зависевшие от него тайчиуты бросили Оэлун с детьми и на другой же день после случившегося в "земле предков" тронулись вниз по реке Онону. Лишь старик Чарха-Ебуген пытался усовестить уходящих. Да не тут-то было. Мало того, не послушали. Да еще Тодоем-Гиртай, чтобы не мучил Чарха народ, не взывал к нечистой совести, ткнул для острастки старика копьем в спину.

Ключевые воды пропали.

Бел-камень треснул.

Распался на глазах Оэлун улус, созданный Есугай-багатуром.

Когда Темучжин зашел проведать раненого Чарху-Ебугена, тот, объясняя ему причину своего несчастья, сказал:

— Я подвергся такой напасти, уговаривая людей, когда те откочевали, захватив с собой весь наш улус, улус, собранный твоим благородным родителем.

Темучжина покинул его в слезах. Он был еще слишком мал и бессилен, чтобы наследовать дело отца. Лишь храбрая Оэлун нашла в себе силы бороться до конца. Она собрала оставшихся еще с ней людей и погналась за уходящими. После стычки поначалу многих ей удалось воротить, но и они

вернулись лишь для виду и вскоре снова откочевали, оставив Оэлун в широкой степи только с ее детьми да второй женой Есугая и ее потомством. Лишь несколько женщин-прислужниц вот и все, кто остался при женах и детях некогда славного багатура!

Для того чтобы понять, что же произошло, в нескольких словах следует описать социальный строй татаро-монгольских племен в середине XII в. В те годы монгольские роды жили отдельно. Обычно они объединялись в различные группы: в ирген-племена, или в улусы "народ", "народ-владение". Улус мог быть различным по величине и силе: от улуса-владения до улуса-первоначального государственного образования. "У древних монголов,— писал Б. Я. Владимирцов,— всякое объединение родов, поколений, племен, рассматриваемое с точки зависимости от вождя, хана, нойона, тайши, багатура и т.д., назывались улус, улус — "народ", "народ-удел", "народ, объединенный в таком-то улусе" или "образующий улус-владение", "народ, образующий государство-владение", "государство". Монголов, как истых кочевников, в понятии этом больше интересуют люди, а не территория". Во главе улуса стоял предводитель из представителей родовой скотоводческой знати — нойонов, носивших тот или иной почетный титул: багатура — богатыря, сечена — мудрого, мергена — меткого стрелка, бильге — мудрого, буке — силача, тайши — принца и т. п. Такой улус-владение и был у отца Темучжина — Есугая, носившего титул багатура-богатыря. Он-то и распался, как "ключевые воды пропали", как "бел-камень треснул", после ухода некогда подвластных Есугаю людей. Именно людей, ибо улусом, как подчеркивал в своем определении акад. Б. Я. Владимирцов, был прежде всего "народ", объединенный в таком-то улусе, а не некая по величине территория.

Улус состоял из разных людей. В нем были сородичи-уруг и чужаки-джад. При этом сородичами "считались не только члены данного рода, но и всех родов, кровно связанных между собою происхождением от одного общего предка (эбюге), родов кости (ясун)" (Б. Я. Владимирцов). Среди чужаков выделяли родственников по жене, которых называли сватами (худа). В улус входили подвластные данному нойону и его роду, побежденные племена и роды — отэгу-боголы. Они составляли зависимую часть народа данного улуса. Отэгу-боголы не теряли между собой родственных связей, пользовались известной личной свободой и имели свое имущество. Они должны были служить своему роду-владельцу, помогать ухаживать за скотом, образовывать курень и во время облавной охоты загонять дичь.

Опорой нойона во владении улусом были помимо сородичей нукеры, его дружинники, его друзья (нукер значит друг). Нукера были военными слугами вождей, людьми, добровольно принявшими свои обязанности по отношению к господину. Монгольский предводитель XI—XII вв.,— писал Б. Я. Владимирцов,— всегда... неразлучен со своими нукерами, всегда, во время набега он воин,

во время облавных охот он помощник; он заведует всегда чем-нибудь, наблюдает, он состоит в свите; он же является ближайшим другом и советником своего предводителя" В улусе жили также джалау, положение которых приближалось к рабскому; дарханы — отпущенники из людей, прежде лично несвободных, и индж — люди, которые были даны в качестве приданного за девушку другого рода.

Улус Есугая распался с уходом его нукеров, которым некому было больше служить, не с кем было совершать дерзкие набеги, а также с уходом подвластных ему сородичей — тайчиутов и уведенных ими разных людей, некогда входивших в есугаев улус. Предоставленные самим себе, две жены (на деле, возможно, их было больше) и дети Есугая с горсткой сохранивших верность людей, легко могли стать добычей любого другого нойона. Защитой им служила лишь былая слава отца и мужа богатыря Есугая.

Оэлун — первая и главная жена Есугая, по монгольским обычаям, после смерти мужа, до тех пор пока не подрастут и не женятся сыновья, стала единовластной правительницей семьи и ее имущества. А семья оказалась в крайней нужде. Скота, а значит, молока и мяса не хватало. Оэлун "бегала по реке Онон вверх и вниз" собирала дикие яблоки и черемуху, дикий чеснок, выкапывала съедобные коренья. Дети, помогая матери, удочками и сетями ловили в Ононе рыбу. Их было четверо братьев: Темучжин и Хасар — сыновья Оэлун, Бектер и Бельгутаи — сыновья Есугая от его второй жены, единокровные братья Темучжина и Хасара. Братья не ладили между собой, часто ссорились из-за пустяков. Оэлун, которую не покидала мысль отомстить тайчиутам за предательство, старалась укрепить семью, сплотить братьев, будущих мстителей за отца и за ее обиды. Хорошо зная "древние слова", рассказывала она им об их роде — о мудрой проматери Алан-гуа и прадеде Бодончаре, родоначальнике рода Борджигин, о славных делах их предков — Хабул-хана, Амбагай-хагана, о богатыре Хутулахане и их отце — богатыре Есугае.

Но не было мира в их доме. Темучжин и Бектер, старший сын Есугая от второй жены, постоянно соперничали друг с другом. Как-то Темучжин поймал в Ононе красивую рыбу, а Бектер с Бельгутаем отняли ее у него и его брата Хасара. Побежали братья жаловаться Оэлун. Та, почувствовав недоброе, стала упрекать их:

— Ах, что мне с вами делать? Что это так неладно живете вы со своими братьями. Нам надо думать о том, как бы отплатить за обиду тайчиутам, а вы ссоритесь меж собой.

Обида братьев была сильнее разумных слов матери:

— Ведь совсем недавно они точно также отняли у нас жаворонка, подстреленного стрелой, а теперь вот опять. Как же нам быть в согласии?

И, хлопнув дверью, братья вышли полные решимости отомстить за обиду.

Бектер в это время пас на холме коней. Подкрались к нему сыновья Оэлун с луками и стрелами, Темучжин сзади, Хасар спереди. Испугался Бектер.

— Думаете ли вы о том, с чьей помощью можно исполнить непосильную для вас месть за обиды, нанесенные тайчиутами. Зачем вы смотрите на меня будто я у вас ресница в глазу иль заноза в зубах.

И по их лицам он понял, что не ждать ему пощады. Со словами "Не разоряйте моего очага, не губите Бельгутаю" он покорно присел на корточки перед братьями. В упор, спереди и сзади, пронзили Бектера стрелами Темучжин и Хасар и ушли, бросив бездыханное тело своего единокровного брата на холме.

Оэлун по лицу своих сыновей все поняла.

— Душегубцы,— закричала она,— недаром этот вот яростно из утробы моей появился, сжимая в руке своей запекшийся комок крови. Вы сгубили его, словно дикие псы, прогрызающие материнскую утробу. Речь ведь о том, кто вам поможет отомстить тайчиутам. У вас же сейчас нет дружеской сени, кроме собственной тени, нет другого хлыста, кроме хвоста.

Позднее народное предание вложило в уста Оэлун такие слова:

Ты, как собака, жрешь свое нутро,
Ты, как беркут, что на скалы бросается,
Ты, как лев, что гнев свой не удерживает,
Ты, чудовище, что глотает живьем,
Ты, как верблюд, подкусывающий верблюжонка,
Ты, подобен шакалу, защищающему свое логово,
Ты, подобен собаке, напавшей на слепого —
Вот как поступаешь ты!

И долго с великим гневом порицала она своих сыновей за необузданную жестокость.

Убийство брата Бектера, в котором участвовал и старший по возрасту Темучжин,— факт, свидетельствующий о мстительности и жестокости характера будущего Чингиса. Даже в те годы, когда наезды, грабежи и убийства были обычным в монгольской степи, убийство брата было событием из ряда вон выходящим. Дело, конечно, было не только в пойманной рыбе — Темучжин видел в Бектере соперника. Он устранил его с помощью физически сильного, но не очень умного брата Хасара. Видимо, случилось это через несколько лет после распада есугаева улуса, братья возмужали, превратились в юношей, и кто-то должен был наследовать дело отца. Бектер тоже понимал, что рыба — это только повод, который он неразумно дал в руки Темучжина, и, умирая, просил об одном, чтобы не убивали дети Оэлун его младшего брата Бельгутаю, не разоряли его гнезда.

Весть об убийстве быстро распространилась по степи. Дошла она и до тайчиутов. Тайчиуты не могли не знать, что Оэлун живет думами о мести,

что это чувство она воспитывает в своих сыновьях. Теперь они получили оправдание для того, чтобы если не уничтожить, то как-то взять под контроль наследника Есугая. Таргутай-Кирилтух со своими нукерами явился к стану Оэлун и потребовал выдачи Темучжина — главного виновника убийства. Темучжин предусмотрительно бежал и укрылся в глухой лесной чаще на вершине горы. Тайчиуты обложили лес и стали ждать. Через пятнадцать суток, не выдержав мук голода, Темучжин вышел из леса и был схвачен тайчиутами. Таргутай привез его в свой улус и подверг "законному наказанию": Темучжину надели на шею кангу — тяжелую деревянную шейную колодку, к нему приставили стражу, а так как, естественно, в улусе тюрьмы не было, на ночлег Темучжина поочередно переводили из юрты в юрту. Казалось, тайчиуты надежно охраняли своего будущего врага. А Темучжин отныне жил только одной мыслью о побеге.

Однажды, во время какого-то праздника, сторожить Темучжина назначили молодого слабосильного парня. К ночи, когда праздничная толпа разбрелась по своим юртам, Темучжин изловчился и, ударив сторожившего его парня колодкой по голове, бежал в лес. Опасаясь, что в лесу его быстро отыщут, он погрузился в одну из заводей Онона так, что снаружи осталось только одно лицо. Тяжелая деревянная колодка поддерживала его на плаву.

Поднятые по тревоге люди тотчас же бросились искать Темучжина прежде всего в лесу. Лишь один из них, Сорган-Шира, случайно проходя мимо той заводи, где отсиживался Темучжин заметил его. Семья Соргана-Ширы работала на тайчиутов, изготавливая для них кумыс. Сам Сорган-Шира не очень любил тайчиутских воинов и не горел желанием выдать им Темучжина. Поэтому, заметив его, он сказал:

— Вот это дело! За то, видно, ты и не мил своим братцам, что так хитер. Но не робей, так и лежи, а я не выдам.

Тайчиутам же, которые после передышки собирались возобновить поиски он предложил:

— Среди бела дня вы потеряли человека, как же можем мы найти его темной ночью. Давайте напоследок посмотрим на обратном пути каждый свою долю, да и по домам. А завтра утром снова сойдемся на поиски. Куда может уйти человек с колодкой на шее?

А проезжая еще раз мимо Темучжина шепнул ему:

— Уговорились кончать поиски, утром будем искать. Теперь ты выжди, когда разойдемся, да и беги домой. Если же тебя кто заметит, смотри не проговорись, что я тебя видел.

Темучжин понимал, что без коня да с колодкой на шее он далеко не убежит. "Еще позавчера,— размышлял он,— когда я ночевал в юрте Сорган-Ширы, его сыновья пожалели меня: ослабили колодку и дали мне возможность прилечь. А теперь Сорган-Шира не выдал меня. Не спасут ли они меня и в настоящем положении?" Ориентируясь на слух, по стуку мутовок,

которыми в семье Сорган-Шира всю ночь пахтали кумыс, Темучжин отыскал его юрту.

В начале Согран-Шира отказывался принять Темучжина:

— Разве я не велел тебе убираться восвояси? Чего ты пришел?

Но его сыновья заступились за Темучжина, сняли с него колодку, сожгли ее, а самого Темучжина спрятали за юртой в телеге с овечьей шерстью. Три дня пролежал Темучжин под шерстью. Все три дня тайчиуты искали и, подозревая, что его скрывает кто-то из своих, обыскивали юрту за юрту. Они пришли к Сорган-Шира и стали разбирать шерсть на телеге сверху. И тут сметливость Сорган-Шира спасла и его самого и Темучжина. Как бы мимоходом он заметил искавшим:

— В такую-то жару как можно усидеть под шерстью!

Те согласились с ним, слезли с телеги и ушли.

Чтобы быстрее избавиться от нежеланного гостя, Сорган-Шира дал Темучжину яловую кобылу, сварил ему на дорогу двухгодовалого барана, снабдил бурдюком и бочонком с питьем, луком со стрелами, да и справадил из своего дома. Были у юного Темучжина основания думать, что Вечное небо покровительствует ему!

Пребывание Темучжина в тайчиутском плену, возможно побудило некоторых китайских авторов (Чжао Хун) создать версию о том, что в молодые годы Темучжин был захвачен чжурчженями, увезен в Цзинь и был их рабом более десяти лет, а затем ему удалось бежать. Однако еще академик В. В. Бартольд ясно показал лживость этой версии: "Китайские современники Чингисхана, по всегдашнему обыкновению китайцев, старались объяснить успехи монгольского завоевателя китайским влиянием и с этой целью придумывали факты; такой характер имеет известие, что Темучжин в молодости был взят в плен цзиньскими войсками и более десяти лет провел в Китае; едва ли возможно, чтобы монгольское предание не сохранило ни единого намека на период жизни Чингисхана, продолжавшийся целых десять лет".

В конце концов Темучжин нашел своих и вместе с ними укрылся от тайчиутов в урочище Гулельгу, где они и жили, кормясь ловлей тарбаганов и горной крысы кучугур. "В таких занятиях проходили юные годы человека, перед которым в последствии трепетали могущественные царства, которые, казалось, нигде не мог встретить препятствия для достижения своих желаний" (Б. Я. Владимирцов).

Здесь в уединении семья Оэлун постепенно окрепла. Выросли дети. Темучжин превратился в крепкого молодого мужчину. Но от своих сверстников он отличался не телесным здоровьем — младший брат Хасар был сильнее его, и хитростью и умом. Не случайно его сверстники указывали, что у Темучжина был "широкий лоб" (Чжао Хун). Постепенно он становится фактическим главой айла. Появляются у Темучжина и первые нукеры.